

Аркадий Райкин: «Наш добрый спутник—

смех»

с работы, усталые, но счастливые.

«А, собственно, чего отчаиваться? — подумал я. — Ведь вокруг меня хорошие люди, наши, советские». И, наверное, многие подумали то же.

Кое-кто достал бутылочки вина, припасенные к столу. И когда пробило полночь, мы поздравили друг друга, а на смущенную кондукторшу посыпался целый град поздравлений и новогодних шуток.

Всем было весело, кроме одного пассажира, сидевшего напротив меня. Чувствовалось, что Новый год он встретил не только с вдохновением, но и еще кое с чем покрепче.

— Перебрал дядя, — пробасил кто-то рядом, оглядываясь на него.

Он вскакивал с места, когда трамвай останавливался, но каждый раз, вздыхая, садился снова.

«Куда пойти? — размышлял он вслух. — Тут сын живет, а через две остановки — дочь. Но придешь — ведь не примут. Да я и

сам забыл, как они выглядят. И вообще-то, сколько их у меня?» — и недоуменно пожимал плечами. И, словно самому себе, стал рассказывать о брошенных семьях и, видимо, давно забытых им детях.

Об этом человеке я вспоминаю каждый раз, когда выхожу на сцену читать монолог «Одиннадцать неизвестных», который исполняю в идущем сейчас спектакле нашего театра «От двух до пятидесяти». Подобный отец, перебирая фотографии своих одиннадцати детей, все время путает их имена и возраст. «Коля, Коленка, дорогой мой!» — восклицает он, пе-

ревертывает карточку, а на обороте — надпись: «Оля».

Таких мало, но они есть. И против них мы стараемся бороться оружием нашей сатиры — смехом.

Часто один правильно схваченный жест завершает актерскую работу многих месяцев, а то и лет. В пантомиме «Жизнь человека» за минуту я должен был пройти всю сцену по диагонали и показать за это время человеческую жизнь — от ребенка до глубокого старика. Над этим номером я думал пять лет. Только при такой тщательной отработке каждого образа зритель будет благодарен актеру.

Мы всегда остро чувствуем реакцию зрителей на каждую реплику, шутку, острогу. Но не все, кто сидит в зрительном зале, одинаково понимают юмор. Порой сидит человек в третьем ряду, окаменело, хотя и внимательно смотрит на сцену, и... совсем не смеется. Я не могу ему ничего сказать, а вот мой персонаж Балалайкин не стесняется.

— Вот ты, в третьем ря-

ду, справа, — говорит он, — хмурый такой, очкастый. Спроси, как мое фамилие? И замечаешь, что этот человек начинает улыбаться. Проняло все-таки!

Смех не только убивает, не только развлекает, он лечит. Так давайте же в новом году смеяться над тем, что мешает нам жить, над людьми, которые не понимают смешного!

— У нас огромные достижения, колоссальные успехи, а вам смешно? — обращается такой человек к собеседнику, актеру театра, предлагая убрать зеркала смеха из парков культуры и отдыха, потому что, дескать, они... искажают облик советского человека.

— Но ведь речь идет не об успехах, а о недостатках, — отвечает тот.

— Тем более, — негодует ханжа, — у нас недостатки, а вам смешно?

Или другой персонаж, с прямо противоположными взглядами. Флегматичный, безучастный, он находит смешное там, где как раз его нет, тоскливым голосом он говорит: «Вот сценка, где родители растили своего сына, а он вырос бандитом. Это смешно! Или другая. Больной спрашивает у врача: «Скажите, доктор, а я могу умереть?». А тот отвечает: «А как же!». Это тоже смешно...»

Вы, вероятно, встречались с такими людьми? Так давайте вместе смеяться над ними. Ведь смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно. И пусть в новом, 1961 году смех — хороший, жизнерадостный смех — будет всегда вашим добрым спутником!

